

7 - 34

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи
УДК 891. 493-I-024

ЧЕГОДАРЬ Нина Ивановна

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
РЕАЛЬНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОЗЕ ЯПОНИИ

Специальность 10.01.06 - Литература народов
зарубежных стран Азии и Африки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

МОСКВА 1990

Работа выполнена в Институте востоковедения Академии наук СССР

Официальные оппоненты

доктор филологических наук Гривнин В.С.
доктор филологических наук Горегляд В.Н.
доктор филологических наук Ким Ле Чун

Ведущая организация - Ленинградский Государственный университет.

Защита состоится "15 апреля" 1990 г. на заседании Специализированного совета по филологическим наукам Д.003.01.04 (литературоведение) при Институте востоковедения АН СССР (Москва, ул.Рождественка, д.12).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения АН СССР (Москва, ул.Рождественка, д.12)

Автореферат разослан "27" апреля 1990 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета,
канд. фил. наук

А.С. Герасимова А.С. Герасимова

© Институт востоковедения АН СССР, 1990 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обоснование темы. Поражение японского милитаризма во второй мировой войне, повлекшее за собой коренные перемены в политической, экономической и культурной жизни страны, послужило также точкой отсчета в истории новейшей японской литературы, послевоенный период развития которой рассматривается советскими и японскими учеными в качестве самостоятельного этапа литературного процесса. Являясь одной из важных составляющих современной мировой литературы, японская послевоенная литература характеризуется сложным взаимодействием факторов социально-исторического состояния общества, обновляющегося влияния национальной художественной традиции, обогащения достижениями других литератур и самостоятельных исканий отдельных художников.

В советской и мировой ориенталистике накоплен значительный опыт изучения истории японской литературы. Однако многие проблемы послевоенного литературного процесса все еще остаются недостаточно исследованными и требуют осмысления в различных аспектах. Обширность литературного материала и сложность отраженной в нем социально-политической и философской проблематики делают возможным и даже необходимым вычленение и рассмотрение отдельных магистральных линий, пронизывающих формирование художественной картины мира в послевоенной японской литературе. Одной из таких магистралей, требующих исследования, является проблема взаимодействия исторической и художественной реальности в послевоенной прозе Японии.

На современном этапе со всей очевидностью проявилась глубокая связь художественной литературы с общественным сознанием эпохи, с реальным социально-историческим контекстом действительности. Война наглядно выявила политическую сущность пережитого Японией кризиса культуры. Начавшийся в послевоенный пери-

од интенсивный процесс переосмысления всего комплекса ценностных ориентаций был теснейшим образом связан с глубокими сдвигами в общественном и историческом развитии страны. Рождавшаяся новая реальность настоятельно требовала от художника осознания закономерностей, управляющих бытием человека и общества, соотношения творческого процесса с актуальными проблемами современности.

Анализ взаимодействия исторической и художественной реальности в японской послевоенной прозе может во многом способствовать осмыслению существенных аспектов литературной практики этого периода и выявлению важных движущих сил послевоенного литературного процесса.

Актуальность исследования. Дальнейшее углубление представления о специфических чертах японской послевоенной литературы, формирование возможно более многомерной картины ее развития порождает необходимость использования различных подходов к ее изучению. Вопросы соотношения действительности и художественного творчества, преломления реального мира в произведении искусства представляют непреходящий интерес в плане историко-теоретического изучения литературы и понимания идеологических процессов, протекающих в обществе.

Рассмотрение в этом ракурсе литературы послевоенной Японии имеет особо важное значение, поскольку закономерности художественного развития этого периода невозможно правильно понять и оценить вне тесной связи с изменениями в социально-политической жизни страны, со сменой общественных идеалов и возникновением новой системы ценностей, в выработке которой литература сыграла заметную роль.

Формирование художественной модели мира, выявляющей черты новой послевоенной эпохи, вовлеченность литературы в общий поток насущных проблем общественного развития повлекли за собой переход писателей к новым принципам и формам освоения действительности, мало свойственным японской литературе на предыдущем этапе. Внутри литературного процесса возникла сложная, все еще недостаточно исследованная система эстетических связей, анализ которой является актуальной задачей современного японоведения. Рассмотрение современного литературного процесса Японии в свете проблемы взаимодействия исторической и художественной реальности тесно смыкается также с актуальной задачей выработки объемного представления о динамике культурного развития послевоен-

ной Японии в целом.

Научная новизна исследования. До настоящего времени ни советское, ни зарубежное японоведение не располагает монографическим исследованием, в котором литература послевоенной Японии рассматривалась бы в плане изучения закономерностей взаимодействия исторической и художественной реальности. В данной работе предпринята попытка подобного анализа, базирующегося на выявлении отдельных произведений, объединенных художественной общностью, определяемой особым типом соотношения реальной действительности и реальности воссозданной. Изучение таких групп произведений, связанных с тем или иным литературным направлением и составляющих очевидные проблемно-стилевые и жанровые блоки, дает возможность глубже проникнуть в структуру и эволюцию художественного мышления, характерного для отдельных этапов развития японской послевоенной литературы.

В работе впервые рассматриваются получившие распространение в послевоенной прозе варианты эпического осмысления окружающего: негативная, аналитическая, отчужденная и условная модели художественного мировосприятия, тесно связанные с движением общественной мысли рассматриваемого периода.

В диссертации анализируются особенности антивоенного романа как практически нового для японской литературы жанрового образования, сыгравшего важную роль в формировании мировоззренческого комплекса послевоенных ценностей и наиболее полно отразившего "негативную модель" мировосприятия исторического прошлого.

Рассмотрение социально-политического романа "левого" направления, которым в прозе этого периода представлена аналитическая модель мировосприятия, позволило в новом свете увидеть жанровые схождения и различия этой группы произведений с довоенной, так называемой "пролетарской литературой".

Анализ особенностей психологического романа, в котором нашла отражение модель отчужденной реальности, дает возможность углубить понимание характера изменений, обозначившихся в японском общественном и художественном сознании 60-х годов.

Условная реальность философского романа показала стремление японских художников к постановке общих для современной мировой культуры философско-этических проблем, постижение которых происходит в японской литературе в параболической форме, позволяющей писателям наиболее адекватно выразить свое видение мира.

Избранный подход к исследованию послевоенной японской прозы позволяет по-новому осмыслить возникшую в литературном процессе послевоенной Японии систему жанровых разновидностей и открывает плодотворные возможности для изучения проблемы жанрово-стилевого обновления современной японской литературы.

Десять с лишним лет, прошедшие с момента выхода в свет единственного в советском японоведении монографического исследования в области послевоенной литературы (К.Рехо. Современный японский роман. М., 1977), требуют введения в научный обиход нового материала, а также осмысления части уже известного материала в новом контексте времени.

Цели и задачи исследования. Основная цель данной диссертационной работы состоит в том, чтобы раскрыть динамику развития послевоенной литературы Японии в ее связи с реальным контекстом действительности, показать творческие усилия писателей, запечатлевших в своих произведениях новое состояние мира и рождаемое им мировосприятие. В связи с этим перед диссертанткой стояли следующие конкретные задачи.

- Выделить на основе текстовых сопоставлений отдельные группы произведений, образующих определенные жанровые сходения по принципу общих способов "включения" жизненного материала в художественное пространство и время.

- Раскрыть диалектическую связь между движением общественной мысли, а также изменениями социально-политического климата в стране и преобладанием на отдельных этапах историко-литературного развития той или иной группы произведений, характеризующихся сходными особенностями эстетического освоения действительности.

- Проследить динамику накопления новых черт, определяющих содержание и художественную форму произведений, входящих в отдельные проблемно-стилевые группы в меняющемся контексте действительности.

В задачу исследования при выбранном подходе не входило максимально полное изложение истории послевоенной литературы и презентации творческих биографий отдельных художников. В диссертации не рассматривались также произведения писателей, творческая манера которых сложилась еще в довоенный период и не претерпела впоследствии заметных изменений.

Источники. Источниковедческую базу диссертации составляют в первую очередь произведения японской художественной прозы послевоенного периода. В ходе работы над темой диссертации были также изучены и критически осмыслены работы советских и западно-европейских литературоведов-японистов, а также труды японских филологов по литературе рассматриваемого периода.

Методологической основой диссертации по проблемам эстетического освоения действительности и отражения закономерностей общественного бытия в искусстве явились сочинения К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина.

Практическая ценность работы. Рассмотрение послевоенной литературы на уровне взаимодействия исторической и художественной реальности может способствовать дальнейшему углублению понимания специфики литературного процесса послевоенной Японии. Данное исследование может также оказаться полезным при изучении системы жанров японской послевоенной прозы.

Материал, отдельные положения и выводы исследования могут быть использованы при чтении курсов лекций по истории новейшей литературы Японии, а также при составлении спецкурсов по изучению литератур стран Зарубежного Востока и написании учебных пособий по данным дисциплинам.

Апробация работы. Диссертация выполнена в отделе Японии Института востоковедения АН СССР, обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела Литератур народов Азии Института востоковедения АН СССР с участием специалистов Отдела Японии ИВ АН СССР.

По теме диссертации опубликована монография "Человек и общество в послевоенной литературе Японии" (М., Наука, 1985), отдельные положения исследования изложены в книге "Культура послевоенной Японии" (М., Наука, 1981, в соавторстве с Л.Гришелевой) и в статьях "Основные этапы развития японской послевоенной литературы" (ж. "Проблемы Дальнего Востока", 1980, № 2), "Основные концепции послевоенного литературного процесса в японской критике" (Ежегодник "Япония 1985", М., Наука, 1986), "Японский послевоенный роман" (в кн. "Современные литературы стран Азии и Африки", М., Наука, 1988).

Положения диссертации прошли апробацию в форме научных докладов на международных симпозиумах (I-й советско-японский симпозиум, г.Киото, 1979, 6-й европейский симпозиум "Современ-

ная Япония", г. Берлин, 1984 г., Международная конференция японистов социалистических стран, г. Москва, 1986 г.). Тезисы докладов опубликованы в материалах симпозиумов, соответственно: "Ниссо гакудэнсю симпозиуму" Рингумэйкан дайгаку, Кёто, 1979;

Япония: идеология, культура, литература. М., 1989.
Proceedings of the 6th European symposium "Japan Today".
Berlin, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из Введения и четырех глав: I гл. — "Негативная реальность антивоенного романа. Создание "отрицательного образа" художественного времени", II гл. — "Аналитическая модель мировосприятия в социально-политическом романе", III гл. — "Отчужденная реальность" в психологическом романе", IV гл. — "Условная реальность философского романа", Заключение и Библиографии.

Во Введении дается критический обзор работ японских, западно-европейских и советских ученых по проблемам японской послевоенной литературы, обосновывается тема диссертации и формулируются цель и задачи исследования.

Рассматривая послевоенную литературу Японии как самостоятельный этап в истории новейшей литературы, японские ученые указывают вместе с тем на ее малую изученность. Наиболее исследованным является начальный период, окончание которого с разницей в несколько лет обычно относят к первой половине 50-х годов. Центральным явлением литературного процесса на этом этапе большинство литературоведов считает творчество писателей "послевоенной группы" (Нома Хироси, Сиина Риндзо, Умадзаки Харуо, Накамура Синъитиро, Оока Сёхай и др.), принадлежавших к поколению, для которого решающим фактором духовного формирования был опыт военного времени. Главную заслугу этих писателей исследователи видят в постановке ими в своем творчестве таких важных аспектов послевоенного мировоззренческого комплекса, как утверждение самооценности человеческой личности и протест против подчинения искусства политическим целям. В целом эта оценка не вызывает возражений. Тем не менее следует заметить, что ее сторонники недоучитывают значение вклада в развитие послевоенной литературы других участников литературного процесса, в том числе представителей движения за демократическую литературу.

В основу дальнейшей периодизации кладется, как правило, историко-хронологический принцип появления новых поколений писателей на литературной арене. Так, вслед за первой "послевоенной группой" появляется вторая "послевоенная группа" (Хотта Ёсиэ, Абэ Кобо, Мисима Ёкио, Симао Тосио, Като Смити и др.), потом "третьи новье" (Ясуока Сётаро, Ёсики Дзюнноске, Кодзима Нобуо, Миура Сёмон и др.) и поколение "интровертных" (найко садай) (Курои Сэндзи, Гото Мэйсэй, Фуруи Ёсикити и др.). Рассмотрением творчества этого поколения заканчиваются все известные нам общие работы по истории послевоенной литературы. Дальнейшее ее развитие на протяжении последних полутора — двух десятилетий анализируется только в отдельных критических работах, посвященных частным вопросам.

Несомненной заслугой японского литературоведения следует считать введение в научный обиход обширного фактического материала, разработку творческих биографий отдельных писателей и анализ конкретных произведений. Труднее согласиться с тем, что в большинстве фундаментальных трудов в основу концепции историко-литературного развития положено понятие литературного поколения, которое чаще всего вычленяется даже не по времени вхождения в литературу, а по чисто возрастному признаку. При этом далеко не всегда принимается во внимание наличие у представителей одного поколения идейно-эстетической общности. Такая общность, например, была налицо на начальном этапе у писателей первой "послевоенной группы" в силу резко выраженной специфики общественно-исторических условий, в которых это поколение сформировалось и начало творческую деятельность. Но она отсутствовала уже у писателей второй "послевоенной группы". Принцип периодизации литературного процесса на основе факта появления в литературе новых поколений писателей не всегда удовлетворяет и самих японских исследователей. Поэтому в ряде работ можно найти дополнительные разделы, выделенные по другим признакам: по уровню эстетического значения (чистая, так называемая промежуточная и массовая литература), по жанровой принадлежности (роман нравов, эгороман, детективная литература), по идейно-тематическому признаку (демократическая, рабочая, крестьянская литература) и пр. Однако все же основным неизменно остается хронологический принцип рассмотрения литературного процесса по признаку появления новых поколений художников.

Западно-европейские ученые – Д.Кин, И.Морис, Дж.Ши, А.Кимбалл и др. проделали очень значительную работу по переводу произведений современной японской литературы и изучению творчества отдельных авторов. Однако исследования, в которых излагалась бы общая концепция послевоенного литературного процесса нам не известны.

Большой вклад в изучение японской послевоенной литературы внесли советские ученые – Н.И.Конрад, И.Л.Йоффе, К.Рехо (Ким Ле Чун), В.Р.Логунова, Т.П.Григорьева, В.С.Гривнин, Г.Д.Иванова, Л.Л.Громковская, Г.Н.Максимова, О.В.Морошкина, А.И.Мамонов, А.А.Долин и др. Н.И.Конрад первый в советском японоведении указал на наступление нового – послевоенного этапа в развитии новейшей литературы Японии и дал глубокий анализ основных течений ее первоначального периода. История литературы первого послевоенного пятидесятилетия в общих чертах освещена в очерках В.В.Логуновой (в кн. Японская литература. Краткий очерк. М., 1964) и Н.Г.Максимовой (в кн. Краткая история литературы Японии. Л., 1975). Значительное количество статей написано также по отдельным частным проблемам послевоенной литературы Японии. Фундаментальный труд по истории современного японского романа "Современный японский роман", М., 1977), в котором рассматриваются вопросы трансформации литературной традиции и противостояния реалистического направления модернистским течениям, принадлежит К.Рехо. Однако перечисленные здесь работы не могут охватить все многообразные проблемы, материал для изучения которых дает послевоенная японская литература, требующая осмысления в самых различных аспектах. К тому же десять с лишним лет, отделяющие нас от момента выхода в свет последней обстоятельной работы в этой области дают возможность ввести в научный обиход еще не исследованный материал, а также осмыслить ряд уже известных литературных явлений в новом свете.

Во Введении отражены положения, изложенные выше в разделах: Обоснование темы, Актуальность исследования, Научная новизна исследования, Цели и задачи исследования и Источники.

В первой главе – "Негативная реальность антивоенного романа. Создание "отрицательного образа" художественного времени" – характеризуется обстановка и основные факторы, под воздействием которых сложился японский антивоенный роман, и рассматриваются присущие ему проблемно-стилевые особенности.

К моменту окончания Тихоокеанской войны культурная жизнь

в милитаристской Японии практически замерла. В результате демократических преобразований первых послевоенных лет в обществе начался процесс духовного обновления, важную роль в котором сыграла литература. Потрясение, пережитое японским народом, требовало осмысления уроков истории, ответа на вопрос о причинах национальной трагедии, выработки новой системы ценностных ориентаций. В обстановке холодной войны и начавшихся в 1950 г. военных действий в Корее потребность в литературе, которая могла бы раскрыть политические и социальные корни трагических ошибок прошлого и предостеречь общество от их повторения в будущем, стала ощущаться с особенной остротой.

Откликом на эту потребность времени явился антивоенный роман, в котором были поставлены кардинальные этические и философские вопросы – проблемы убийства и насильственной смерти, соотношения судьбы отдельного человека и исторических судеб народа, противоестественности войны. Затронув в своих произведениях эти универсальные по своему значению темы, авторы антивоенного романа раскрыли их на материале своей национальной истории.

На специфику художественной структуры японского антивоенного романа огромное влияние оказали такие факторы, как характер участия Японии в войне и предшествующее социально-политическое развитие страны. В связи с конкретным историческим путем Японии, ведшей с конца XIX в. агрессивные войны, и той ролью которую играла в жизни японского общества военная клика, одной из магистральных линий антивоенного романа стало развенчание армии, лишение ее того ореола исключительности и героичности, которым она была окружена в довоенной Японии. Эта тема является лейтмотивом всех наиболее крупных произведений антивоенной литературы – романов "Зона пустоты" ("Синку титай", 1952) Нома Хирочи, "Условия человеческого существования" ("Нингэн дзёкан", 1956–58) Гомикава Дзюмтэй, "Огни на равнине" ("Ноби", 1951) Оока Сёхэй, "Тростник под ветром" ("Кадза-ни соёгу аси", 1949–51) Исикава Тацудзо, "Время" ("Дзикан", 1953) и "Памятник" ("Кинэнхи", 1955) Хотта Ёсиэ и др. В этих произведениях был раскрыт полицейский характер японского тоталитарного государства и показано истинное лицо армии – опоры этого государства.

С подлинной принципиальностью в антивоенном романе был поставлен вопрос об ответственности за войну. Из числа ее винов-

ников не была исключена даже "священная особа императора", стоявшая ранее вне всякой критики. Авторы антивоенного романа показали прямую связь между милитаризмом и идеологическим комплексом японизма, послужившим основанием для претензий правящих кругов на господство над народами Азии. Не ограничиваясь указанием на прямых виновников войны, создатели антивоенного романа предприняли попытку разобраться в причинах поражения демократического движения в стране. Нашедшая отражение в их произведениях мысль об ответственности каждого гражданина, каждого рядового участника войны за все происшедшее была понята современниками как призыв к активной борьбе за демократический путь развития страны.

Признавая зависимость человека от неподконтрольных ему исторически обусловленных обстоятельств, авторы антивоенного романа вместе с тем подчеркивали, что человек обладает возможностью выбора в конкретной жизненной ситуации. Повествовательное полотно многих произведений является ареной напряженных раздумий о позиции индивида в экстремальных условиях войны. Безгранична ли свобода выбора и где пределы ответственности индивида за то, что происходит при его невольном участии, что может удержать человека от нравственного падения, может ли он найти моральную опору в установлениях общества, в котором он живет — таков круг морально-этических проблем, поставленных в произведениях Оока, Нома, Эндо, Гомикава, Исикава, Хотта и др.

Антивоенный роман рисует картину массовой моральной дегенерации в стране, показывает, что тоталитарный режим и школа бесчеловечности, которую народ проходил в армии, способствовали уничтожению основ нравственности. Характерно, что в японском антивоенном романе полностью отсутствует распространенный в западно-европейской литературе о войне мотив солдатской солидарности, мужской дружбы, защищающей героев Ремарка, Олдингтона и Дос Пасоса от жестокой действительности. В японском антивоенном романе нет ничего похожего. Армия — царство вражды всех со всеми, притеснения слабых и угодничества перед сильными. Поняв в армию, человек оказывается в "зоне пустоты".

Те, кто пытается, как один из героев романа "Условия человеческого существования", сохранить позицию "индивидуального гуманизма", неизбежно терпят крах, ибо в реальной жизни нет места гуманистическим ценностям. Поражение ждет и тех, кто, как герой романа "Огни на равнине", стремится найти опору в

вечной идее добра и истины за пределами сферы реальной действительности, оправдывая все происходящее наличием недоступной пониманию человека высшей целесообразности. Окружающий героя мир жестокости и смерти безжалостно разрушает его веру в милосердие и мудрость божественного промысла.

Таким образом, в основе антивоенного романа лежит идея личной ответственности человека перед собой и перед историей, близкая к концепции экзистенциалистской свободы. Однако японская действительность не дала создателям антивоенного романа для воплощения идеи стоического противостояния индивида несправедливости мира того исторического материала, который дало Камо и Сартру движение французского сопротивления. Позиция героя антивоенного романа по большей части оказывается несостоятельной в час исторического испытания. Наиболее сильной стороной этого героя является его способность к критическому, негативному восприятию окружающей его реальности. Его слабость — в неспособности осмыслить свой положительный идеал. Тем не менее нельзя недооценивать тот факт, что герой судит себя и все происходящее вокруг него, исходя из высоких этических идеалов. Тем самым он выступает как носитель идеи нравственного противостояния миру насилия.

Важнейшей темой антивоенной прозы является тема дегероизации войны, представляющая собой прямую полемику с ложной патетикой "повестей о героях" (эйю бидан) и "репортажной литературы" военного времени. Задача всестороннего раскрытия темы негативной реальности, отрицательного образа милитаристского прошлого страны обусловила ряд художественных особенностей этой прозы. Японский антивоенный роман не знает описания масштабных военных действий. События в нем разворачиваются, как правило, на узком неэпическом пространстве, что создает впечатление их ненужности, необязательности в общем ходе войны. К тому же временем действия обычно является конец войны, когда японская армия находится накануне поражения, что еще более усугубляет ощущение бессмысленности жертв, приносимых людьми.

Описания сцен военной жизни изобилуют натуралистическими подробностями. Заметное место в этих описаниях занимает тема каннибализма, практически отсутствующая в европейской литературе о войне. Случаи каннибализма, по-видимому, могли иметь место среди солдат разбитых японских частей, блуждавших в джунглях Филиппин, Бирмы и Новой Гвинеи. Однако настойчивость, с

которой японские писатели в первые послевоенные годы обращались к этой теме, невозможно объяснить одним стремлением к точной фиксации всего спектра фактов, свидетелями которых были участники Тихоокеанской войны. Каннибализм в антивоенном романе этого периода приобретает характер символа подлинной сущности войны, знаменующего окончательное отчуждение всех ее участников от норм человеческой жизни. Характерно, что японская антивоенная литература знает описания зверств, но не знает описаний подвигов.

Существенной особенностью поэтики антивоенного романа является ясно прочитываемая позиция автора по вопросам политики, идеологии и морали. В целом художественная система романа этого периода представляется во многом детерминированной конкретным историческим моментом в жизни японского народа, свежестью воспоминаний о пережитой трагедии.

После взлета антивоенного романа в 50-х годах тема войны, продолжая сохраняться в японской литературе, стала занимать в ней, однако, более скромное место. В произведениях, написанных в 60-80-х годах ("Суд" ("Симпан", 1963), Хотта Ёсиэ, "Остров мертвецов" ("Сюнто моногатари", 1968) Кубота Сэй, "Японский солдат" ("Нихон хэй", 1970) Симото Сэйдзи, "Реквием" ("Рэкуиэм", 1972) Го Сидзуко, "Священная комедия" ("Синсэй кигаки", 1980) Ониси Кёдзин, "Последние бои" ("Дансакусэн", 1983) Фуруяма Комао и др.), меняется комплекс затрагиваемых проблем, происходит определенный сдвиг в расстановке политических и идеологических акцентов, претерпевает заметные изменения и поэтика — иными словами существенно трансформируются многие отличительные черты антивоенного романа.

На первом этапе основной пафос этого романа составляло обличение японского милитаризма и его агрессивной политики. Начиная с 60-х годов в антивоенной литературе появляется мотив равенства сторон, участвующих в войне. Вопрос о том, кем война была развязана и кто несет за нее главную ответственность, как бы отходит на второй план. Меньше внимания уделяется тому, что принесла Тихоокеанская война другим народам и больше — жертвам, понесенным самими японцами. Исикава Тацудзо, оплакивая смерть десятков тысяч людей во время страшной бомбардировки Токио, считает причастным к их гибели императора ("Тростник под ветром") Го Сидзуко, описывая бомбардировку Йокогамы, винит в смерти мирных граждан — матерей, проводивших

на фронт сыновей, и женщин, потерявших кормильцев семьи — американцев ("Реквием").

Хотта Ёсиэ, Оока Сёхэй, Гомикава Дзюмпэй, сочувствуя своим героям, скорбя об их судьбах, вместе с тем считали нужным указать на лежавшую на них долю ответственности за все происходящее. Го Сидзуко в "Реквиеме" полностью исключает постановку вопроса о вине своих героев — их жертвенность служит им оправданием. Сходную позицию можно обнаружить и у Кубота Сэй в "Острове мертвецов", где скорби японских вдов, тяжелым воспоминаниям немногих уцелевших участников боев, летящих на остров Трук, чтобы почтить память погибших там родных и близких, противопоставлена веселая беззаботность молодой американской пары, летящей туда же для подводной охоты и даже не задумывающейся о том, что в результате жестоких американских бомбардировок там погибли миллионы японцев.

Значительно меньшее место в антивоенном романе 60-80-х годов начинает занимать критика армии и армейских порядков, меняется ее характер. В "Японском солдате" Симото Сэй критикуются фактически только высшие армейские чины, притом за то, что в свое время призывали других к самопожертвованию, а проиграв войну, не сознают, что их долг кончить жизнь самоубийством, признав свою ответственность за поражение. Появляется не встречавшийся в антивоенном романе первой волны образ профессионального военного — человека, выбравшего ложный путь в жизни, но субъективно честного и потому не заслуживающего безоговорочного осуждения (полковник Яманэ из "Японского солдата").

В начале 80-х годов появляется совершенно немислимый в 50-х годах своего рода пикареский, комедийный роман о войне — огромная, состоящая из восьми частей "Священная комедия" Ониси Кёдзина. Армия предстает в этом произведении не как чудовищная машина подавления всего человеческого, а как некое царство абсурда, смешное по самой своей сути. Это и демонстрирует на протяжении всего повествования главный герой романа — бывший студент-юрист, а ныне солдат 2-го разряда, обладатель феноменальной памяти и энциклопедических знаний во всех областях науки и искусства. Пользуясь своими исключительными способностями, он легко сбивает с толку тупое армейское начальство, произвольно цитируя и толкуя многочисленные армейские уставы, наставления, распоряжения, приказы и пр. Армейские порядки высмеиваются зло и остроумно, однако уникальность личности главного ге-

роя, искусственность всей ситуации в целом придают несколько игровой характер восприятию милитаристского прошлого как негативной реальности.

С новой временной дистанции бесчеловечная муштра, рукоприкладство, издевательства уже не представляются таким массовым явлением, каким его изобразили авторы антивоенной прозы 50-х годов. Появляется также, правда, еще не занимающий большого места, мотив солдатской солидарности. Двое героев романа Фуруяма Комао "Последние бои", уцелевшие во время тяжелейших сражений на китайско-бирманской границе, сохраняют дружеские отношения и после войны.

В некоторых произведениях начинает ощущаться подспудная полемика с прямолинейностью ранней антивоенной литературы, стремление к более философскому, глубинному осмыслению негативной реальности военного прошлого. Это особенно ярко проявляется в произведениях, посвященных трагедии Хиросимы и Нагасаки, исследованных в работах К.Рехо. Примером этой линии развития антивоенного романа может служить роман "Суд" Хотта Ёсиэ, в котором внимание писателя сосредоточено на рефлектирующем сознании двух героев — американского летчика, сбросившего бомбу на Хиросиму, и японского солдата, убившего по приказу унтер-офицера старую китайку. Передавая сложное душевное состояние героев, пытающихся найти путь назад к людям, их раздираемое противоречиями сознание, писатель широко пользуется приемом сцепления отдельных эпизодов по методу ассоциативной связи, подчиняя временную структуру повествования не хронологии, а задаче раскрытия темы вырождения личности на войне. Совмещение двух временных пластов — прошлого и настоящего — дает возможность высветить новые аспекты действительности и показать ее с разных точек зрения. Роман свидетельствует о том, что в ретроспективе зависимость личности от общества стала представляться менее значительной, а тема личной ответственности, свободы выбора, наоборот, получила дальнейшее развитие. В целом центр тяжести оказался перенесенным с носившего часто натуралистический характер изображения ужасов войны и тягот армейской жизни на этическое-моральное и философское осмысление проблемы войны.

Важное место эта проблематика занимает в романе Фуруяма Комао "Последние бои". Герои романа, постоянно возвращаясь в воспоминаниях к событиям военного времени, пытаются осмыслить их с позиций современности. Они живут как бы в двойном време-

ни, не будучи в состоянии решить, что же является подлинной реальностью: прошлое или настоящее. Они видят, что многие участники войны хотят забыть о ней, рассматривая войну как неприятный эпизод, не имеющий к ним никакого отношения. Однако в конце концов герои романа приходят к выводу, что негативная реальность прошлого не должна быть забыта и их долг рассказать людям правду о войне.

Углубленное внимание к раскрытию внутреннего мира поколения, пережившего войну и несущего в себе ее неизгладимые следы, наличие двойного времени в повествовании, обильное цитирование исторических документов, воспоминаний очевидцев и т.п. — все это свидетельствует о заметном изменении первоначально сложившихся жанровых особенностей антивоенного романа, порожденном новым этапом исторического развития Японии.

Во второй главе — "Аналитическая модель мировосприятия в социально-политическом романе" — дается краткая характеристика послевоенного демократического литературного движения и рассматриваются историко-литературные предпосылки формирования в рамках этого движения основных проблемно-стилевых особенностей послевоенного социально-политического романа "левого" направления. Этот роман наряду с антивоенной прозой был одним из самых примечательных явлений первоначального этапа развития послевоенной литературы Японии. Его создателями стали участники широко развернувшегося после войны движения за японскую демократическую литературу. Организационным центром этого движения на первых порах стало Общество литературы новой Японии (Син нихон бунгаку кай), созданное в декабре 1945 г. по инициативе ветеранов довоенного движения "за пролетарскую литературу": Накано Сигахару, Курахара Корахито, Миямото Юрико, Токунага Сунао, Фудзимори Сайкити, Эгути Киёси и др. Общество литературы новой Японии в отличие от довоенных пролетарских литературных организаций, с которыми оно было генетически связано, не имело четких политических установок и целей, что было характерной особенностью пролетарского литературного движения в период его окончательного идеологического и организационного оформления в конце 20-х годов. В соответствии с развитием процесса демократизации политической и культурной жизни страны Общество литературы новой Японии стремилось объединить в своих рядах всех прогрессивно настроенных литераторов, не сотрудничавших с властями во время войны, и направить их совместные уси-

лия на создание и распространение подлинно демократической японской литературы, ставя таким образом перед своими членами творческие и литературно-общественные задачи.

Потребность в новой литературе, отражающей масштабы и значимость происходящих в стране социально-политических перемен, остро ощущалась в прогрессивных литературных кругах и в японском обществе в целом. Несмотря на существенные различия в творческих индивидуальностях писателей, принявших участие в демократическом литературном движении, их сходная гражданская позиция, стремление к максимальной демократизации жизни общества и аналитическое восприятие результатов, достигнутых на этом пути, определили общность важнейших проблемно-стилистических особенностей их произведений этого периода.

Проблематика левого социально-политического романа была теснейшим образом связана с процессом становления нового японского общества, рождавшегося на развалинах милитаристского режима. Пафосом постижения смысла текущего исторического момента и общественного назначения человека проникнуты лучшие образцы послевоенного социально-политического романа: "Равнина Бансю" ("Бансю хэйя", 1946) и "Футисо" ("Футисо", 1946) Миямото Юрико, "Тихие горы" ("Сидзуканару ямаяма", 1950) Токунага Сунао, "Стена человеческая" ("Нингэн-но кабэ", 1957-1959) Исикава Тацудзо и ряд других.

Сравнивая послевоенный социально-политический роман с антивоенным романом, следует отметить, что в этих двух жанровых образованиях отразилось различное мировосприятие реальности. Соответственно поиск ценностных ориентаций велся в них в разных направлениях. В антивоенном романе критерии добра и истины пытались найти в концепции свободной личности или в идее "абсолютного добра" — бога ("Огни на равнине"), в то время как в социально-политическом романе их увидели в идее борьбы за интересы угнетенных масс. Требование свободы для индивида было заменено требованием свободы для больших социальных групп, а выбор правильного пути героем рассматривался уже не как его личная судьба, а как социально значимое общественное дело. Создатели послевоенного социально-политического романа считали своей задачей очищение и обновление не только литературы, но отчасти и самой действительности. Убеждение в необходимости и неизбежности социальных перемен, исторический взгляд на процессы современной жизни имели своим следствием сориентирован-

ность повествования по основным насущным проблемам общественно-го устройства. Событийная канва романа приобретала характер эпического настоящего.

Значение исторического момента имеют подробности путешествия героини в "Равнине Бансю", детальный рассказ о создании местного отделения профсоюза рабочих на одном из провинциальных заводов в "Тихих горах" или описание дискуссии на педагогическом совете в "Стене человеческой". Замысел писателя каждый раз значительно масштабней непосредственного предмета изображения — это жизнь, увиденная в процессе ее социального переустройства, к активной борьбе за которое и призывает автор своим произведением. Изобразив события, происходящие в японской глубинке, Токунага увидел в жизни и отразил в литературе зарождение такого важнейшего в послевоенной Японии общественного явления, как мощное профсоюзное движение, приведшее в начале 50-х годов, то есть буквально через несколько лет после выхода в свет романа, к образованию общенационального профсоюзного центра Сохэ, ставшего на том этапе главной опорой общенациональных демократических выступлений. Таким образом, роман Токунага передал содержание и дух одного из самых существенных исторических сдвигов, характеризовавших изменения, происходившие в японском послевоенном обществе.

Не менее важное значение в жизни Японии 50-х годов имела возглавленная профсоюзом учителей борьба прогрессивной общественности против линии правительства на усиление идеологического контроля над сферой образования. Забастовки протеста, массовые митинги и демонстрации помешали законодательному оформлению реакционной системы аттестации учителей. Эта борьба послужила темой романа Исикава "Стена человеческая".

Социально-политический роман ставил своей целью прежде всего отражение опыта социальных битв. Развертывание сюжета, основной конфликт в нем обусловлены не столкновением индивидуальных характеров, не какими-либо бытовыми обстоятельствами, а противостоянием основополагающих политических идей, мировоззренческих принципов, взглядов на общество. Повествование строится вокруг коренных коллизий действительности, имеющих общественно важное значение, направлено на то, чтобы обнажить изъяны существующего устройства общества.

В соответствии с этим литературный герой, изображение его судьбы подчинены задаче раскрытия механизма функционирования

социально-политических структур. В образах персонажей ясно просматривается их зависимость от породивших их социальных условий. Поведение героя, его психологический склад, жизненные цели определяются в первую очередь его социальной принадлежностью к той или иной группе населения. В авторской концепции личности человек рассмотрен не только в конкретно-историческом контексте, в широкой системе общественных связей, но вообще как социально детерминированный. Основываясь на принципе классового характера общества, авторы социально-политического романа четко делят своих персонажей на две противоборствующие группы. По одну сторону баррикады находятся представители собственников, по другую — представители угнетенных масс. Нейтральных персонажей в сущности нет. Колеблющиеся представители интеллигенции (Одзаки Фумико в романе "Стена человеческая" или Фурухата Сётаро в романе "Волк" Такакура Тэру), которые вначале не могут понять с кем они, постепенно по мере развития действия приходят к осознанию необходимости выбора.

Представители господствующих слоев общества (директор Сагара и помещик Кадокура в романе "Тихие горы" или фабрикант Фурухата Сёсаку в романе "Волк") мало чем отличаются друг от друга. Все их мысли и чувства подчинены одной цели — наживе, для достижения которой хороши все средства, начиная с воровства и кончая убийством. Образы этих героев призваны служить олицетворением той жестокой и грубой силы, которая лишает простых людей их права на свободу и счастье. Сами по себе как неповторимые человеческие личности они мало интересуют авторов социально-политического романа, однако с ними связано важное концептуальное положение этого романа о несовместимости подлинно человеческих ценностей с моральным кодексом мира собственников. Следование правилам жизни, принятым в этом мире, неизбежно приводит человека к моральной деградации.

Социально-политический и эτικο-моральный аспекты взаимосвязаны и в образе положительного героя, который выражает нравственный смысл и цели прогрессивного развития страны. Он непосредственно, как бы минуя быт, оказывается в гуще событий, в которых обнаруживаются кардинальные противоречия данного исторического момента. Это человек действия, захваченный идеями социального переустройства общества. Его последовательная и целеустремленная деятельность в этом направлении служит залогом его духовного роста, способствует всестороннему развитию его

человеческих потенций. Именно в процессе активной общественной деятельности он начинает прозревать истинные ценности жизни (образы Икэнбэ, Оноки, Фурукава в "Тихих горах" Токунага С.). В отличие от героя антимилитаристского романа положительный герой социально-политического романа не одинок — он един со своей социальной группой. Чувство причастности к общенародному делу дает ему силы преодолевать те трудности, которым герой антивоенного романа мог противопоставить только позицию стоицизма.

Вместе с тем стремление авторов социально-политического романа создать образ идеального борца за социальный прогресс, человека, не знающего противоречий между личными чувствами и общественными интересами, приводит к некоторой одномерности этого героя, лишает его образ психологической глубины. Подобная трактовка образа положительного героя тесно связана с общей авторской установкой на публицистичность этого романа. Выход за границы художественно-литературной специфики — одна из характерных особенностей всей образной системы социально-политического романа, который не просто разворачивает перед читателем реалистическую картину действительности, но представляет собой как бы форму исследования жизни в социально-политическом аспекте. Тесное переплетение вопросов политики и морали в этом романе приводит к тому, что внутренняя жизнь персонажа, его нравственный облик определяются в конечном итоге тем, какое социальное начало он воплощает.

Открытая публицистичность социально-политического романа, освоение в нем сложных, коренных проблем текущей действительности, отклик на злобу дня — все это во многом сближает его с довоенной пролетарской литературой, одну из главных особенностей которой ее признанный классик — Кобаяси Такидзи видел в четко выраженной классовой позиции автора.

В социально-политическом романе писатель часто вторгается непосредственно в области политики. В повествование в прямом виде включаются размышления автора на социальные и политические темы, рассматриваются те или иные идеологические концепции. События, как правило, подаются без полутонов, некоторые страницы приобретают характер беллетризованного репортажа ("Тихие горы", "Стена человеческая"). Требование социального анализа изображаемой действительности, социального детерминизма в оценке событий и персонажей имеет своей оборотной стороной отсутствие передачи "спонтанности", "нерасчлененности", целостности жиз-

ненного процесса. В ряде случаев это приводит к тому, что писателю не удается найти органическую образную форму для выражения своих мыслей о жизни. Прямолинейность логики художественных образов придает им иллюстративный характер.

Вопрос об оценке достоинств и недостатков послевоенного социально-политического романа тесно связан с одним из "вечных" вопросов эстетики об отношении искусства к действительности, который в этот период на японской почве принял форму вопроса о соотношении "политики и литературы". В ходе дискуссии на эту тему писатели "послевоенной группы", от лица которых в основном выступали Ара Масахито и Хирано Кэн, указывая на недопустимость подчинения чисто художественных, изобразительных задач, стоящих перед литературой, политическим установкам, подвергли критике творческие позиции участников довоенного пролетарского литературного движения и создателей послевоенного социально-политического романа как продолжателей их традиций в новой исторической обстановке. Хотя развернувшаяся полемика не привела, да и не могла привести, к однозначному решению вопроса о художественном методе демократической литературы, она все-таки, по-видимому, оказала определенное влияние на дальнейшее развитие послевоенного социально-политического романа. Изменение его художественной структуры и постепенный отход от первоначально заданной жесткой схемы был несомненно связан также с важными сдвигами, происходившими во внутриполитической и экономической жизни Японии второй половины 50-х годов, когда в стране шел процесс становления послевоенной структуры политической власти и быстрого развития экономики.

В социально-политическом романе начинают намечаться новые подходы к решению таких традиционных тем, как борьба рабочих за свои экономические и политические права или движение за мир и демократию, общая картина жизни становится в нем сложнее и многоцветней. В романе Накадзато Кисё "Недолгий сон" ("Кари намури", 1969) рабочее движение уже не представляется автору чем-то совершенно монолитным, он различает в нем борьбу интересов различных групп. Рабочие также разные по своим человеческим качествам люди, поведение которых невозможно запрограммировать. Принадлежность к рабочему классу сама по себе еще не гарантирует автоматически передового образа мыслей, как это показывает судьба сезонного рабочего Эдо.

Роман Абэ Томодзи "Белый обелиск" ("Сирой то", 1959), по-

священный той же теме, что и "Стена человеческая" Исикава Тацудзо, а именно борьбе прогрессивной общественности в защиту принципов демократической системы образования, сохраняя ряд черт социально-политического романа первой волны, вместе с тем привносит в него много нового.

Конфликт, лежащий в основе сюжета романа, отражает борьбу общественных сил, имевшую важное значение в политической жизни страны. Писатель освещает ход этой борьбы на основе большого фактологического материала, опирается на подлинные документы, прибегает к публицистическим приемам. Характеристика персонажей по-прежнему находится в зависимости от их взглядов на проблему, лежащую в основе конфликта. Однако при этом привычный стереотип сохраняется уже только в отношении представителей реакционного лагеря. Образы героев прогрессивного лагеря построены значительно сложнее. Относясь к ним с несомненной симпатией, писатель тем не менее не считает нужным идеализировать их. Он видит в них обычных людей со всеми присущими им недостатками и слабостями. Его занимают не только их политические взгляды и общественная деятельность, но и эмоциональная жизнь, не сложившаяся личная судьба и т.п.

Знаменательно появление в романе образа героини, разубедившейся в истинности послевоенных ценностных ориентаций, в том, что единственная достойная человека жизнь заключается в служении обществу и делу прогресса. Два главных героя, хотя и не отрекаются от прежних идеалов, в конце концов приходят к выводу, что в сложившейся обстановке у человека нет возможности посвятить себя по-настоящему полезной общественной деятельности. Так в социально-политический роман входит новая, первоначально совершенно не свойственная ему тема безвременья, получившая дальнейшее развитие в психологическом романе периода так называемых "быстрых темпов экономического роста".

Подводя итоги, можно сказать, что на характерные особенности социально-политического романа решающее влияние оказали конкретно-исторические условия его возникновения, а именно период, когда в Японии шел активный процесс демократизации всех сторон жизни нации. Реальная действительность позволила писателям запечатлеть рост политической активности масс и их творческую роль в выработке новой системы духовных ценностей. Другим важным обстоятельством, оказавшим влияние на становление этого романа, был тот факт, что он возник в годы, когда в кру-

гах прогрессивной интеллигенции была еще свежа память о довоенной пролетарской литературе и тех общественных задачах, которые она перед собой ставила. Так возникло сочетание нового пласта жизни и в значительной степени уже сложившегося литературного канона.

Однако с течением времени следование этому канону начало становиться все более затруднительным. Обстановка в Японии действительно менялась, страна вступала в период высоких темпов экономического роста. Требование правдивого отражения конкретно-исторической действительности, лежавшее в основе поэтики социально-политического романа, стало приходить в противоречие со столь же "жестким" требованием показа жизни в ее "революционном развитии", сопровождаемом, как это понималось идеологами пролетарской литературы, обострением классовых битв между трудом и капиталом. В концепции социально-политического романа оппозиция: капиталист – рабочий (или помещик – арендатор) постепенно стала заменяться на оппозицию: государственная система – индивид. Соответственно с этим изменились и герои. Они выходили из борьбы не духовно возмужавшими, поднявшимися на новый уровень сознательности, а с ощущением непреодолимости препятствий, отказавшимися от активной позиции в жизни. Конечно, эти мотивы в социально-политическом романе были только намечены в самых общих чертах и получили полное развитие уже в психологическом романе с его "отчужденной" реальностью.

Социально-политический роман был высоко оценен советской и прогрессивной японской критикой за демократизм высказанных в нем идей и смелое вторжение в сферу наболевших социальных проблем, что на определенном этапе привело к некоторой переоценке его влияния на развитие послевоенного литературного процесса. Однако его значение в общественной жизни первого послевоенного десятилетия было чрезвычайно велико.

В третьей главе – "Отчужденная реальность" в психологическом романе – рассматриваются изменения в доминантной линии японской литературы, связанные с пересмотром японским "обществом потребления" системы ценностных ориентаций, возникшей на первоначальном этапе послевоенного развития, и анализируются жанровые особенности психологического романа, обозначившего важные структурные сдвиги в прозе этого периода.

Вторая половина 50-х – 60-е годы – время существенных перемен в духовном климате страны, вызванных поражением демократических сил в борьбе против "договора безопасности" и измене-

ниями в социально-экономической структуре общества в обстановке так называемых "быстрых темпов экономического роста". В литературе этого периода стала ощущаться необходимость поиска новых подходов к художественному исследованию жизни. В начале 60-х годов возникла начатая видным литературным критиком – Сасаки Кийити дискуссия "О послевоенной литературе", в ходе которой рядом участников было высказано мнение, что писатели "послевоенной группы", к которой принадлежало большинство авторов антивоенного романа и часть авторов социально-политического романа, исходили в своем творчестве из ошибочных посылок. В 1964 г. прекратил свое существование журнал "Киндай бунгаку", бывший рупором идеологов системы послевоенных ценностей. В этот же период произошел окончательный раскол движения за демократическую литературу.

С середины 50-х годов все более заметное место в литературном процессе начали занимать произведения, посвященные событиям частной жизни, изменению характера нравственно-психологического самочувствия человека в меняющемся обществе. Одним из первых тему отчуждения личности в современном "обществе массового потребления" затронул в романе "Зло ради удовольствия" ("Аку-но таносиса", 1954) Исикава Тацудзо. Ослабление социально-исторической содержательности прозы этого периода нашло яркое выражение в произведениях Исикара Синтаро. Наибольшую известность из них получила свидетельствовавшая о кризисе первоначального процесса демократизации повесть "Солнечный сезон" ("Тайё-но кисацу", 1956), в которой реакция героя на все усиливающуюся "механизацию" различных сфер человеческого существования приняла форму крайнего индивидуализма.

Окончательное завершение психологический роман 60–80-х годов получил в таких произведениях, как "Семейный круг" ("Хоё мадоку", 1965) Кодзима Нобуо, "Садик в ящике" ("Хако нива", 1967) Митра Суюмон, "Темная комната" ("Ансицу", 1970) и "До заката" ("Югурэ мадэ", 1978) Ёсики Дзюнноске, "Летняя тьма" ("Нацу-но ями", 1971) Кайко Такэси, "Сосуществование" ("Тунсэй", 1984) Курои Сэндзи, "Одиночная клетка" ("Сингуро сэрү", 1986) Масуда Мидзуко и ряд других. Авторы этих произведений не ставят своей задачей художественное исследование основных закономерностей общественного бытия и эпическое осмысление исторического долга индивида как члена данного социума. Исторический конфликт отражается в психологическом романе не в "прямой" фор-

ме, а в виде тех противоречий, которые он порождает в частной жизни людей, в межличностных отношениях, бытовых обстоятельствах, в духовном, душевном и нравственном самочувствии индивида.

Широта охвата социальной действительности в психологическом романе суждается. Спектр персонажей этого романа ограничен почти исключительно представителями среднего социального слоя общества. Герой романа — человек, не имеющий привычки к активному участию в общественной жизни, не выходящий за пределы своего микромира. Жизненное пространство, в котором он может проявить себя как личность, невелико. Обремененный мелкими житейскими заботами, герой принимает господствующие социальные начала как должные, подсознательно отгоняя от себя мысль о возможности существования противоречий между собой и обществом. Живя интересами повседневности, он не задумывается над решением сложных мировоззренческих проблем. Однако это не значит, что этих проблем для него не существует. При видимом отсутствии серьезных трудностей жизнь требует от героя постоянного напряжения в погоне за знаками и символами благополучия ("Семейный круг" Кодзима Н., "Садик в ящике" Миура С.). Он чувствует, что живет во враждебном, отчужденном от него мире, где неподвластные ему силы в любой момент могут разрушить его привычное существование. Вникая в мельчайшие детали быта своих героев, авторы психологического романа передают атмосферу страха и неуверенности, царящую в их "бумажных домиках" ("Гунсэй", Курои С.).

Героя психологического романа чужды серьезные интеллектуальные и нравственные искания. Проблема нравственного выбора, если таковая возникает перед ним, решается им не в плане долга перед обществом, а в плане долга перед самим собой. Мощное воздействие оказывает на него среда, определяя его жизненные стандарты, адаптируя его сознание, лишая его возможности осознать себя как неповторимую индивидуальность. Бесплодность труда, которым занят герой, идейная дезориентация, утрата веры в разумность мира вырабатывают в нем пассивное отношение ко всему окружающему.

Не замечая торжества среды, не поднимаясь до отрицания основ существующего общественного устройства, герой тем не менее испытывает неосознанное недовольство жизнью. Его тяготит ощущение общего неблагополучия своего существования, мучит предчувствие неизбежной расплаты за свою неполноценную, непра-

вильно устроенную жизнь. Выход из тупика индивидуалистического отчуждения одни герои видят в возврате к традиционной, обычно приукрашенной в их воображении системе ценностей (Мива Синкэ — "Семейный круг"), другие — в замыкании в собственной скорлупе (Кимата Осаму — "Садик в ящике", Сиоба Сикио — "Одинокая клетка"), третьи стремятся обрести свою утраченную идентичность в сфере секса (Наката Сюити — "Темная комната"), четвертых поиски выхода толкают на антисоциальные поступки (Наканэ — "Зло ради удовольствия"). Однако никто из них не в состоянии найти безнадёжно утраченное равновесие между собственным "я" и миром.

Связь жизни героя с исторической основой становится в психологическом романе значительно более случайной, чем в социально-политическом или антивоенном романе. В соответствии с этим противоречия жизни, приводящие к личному неблагополучию героя, рассматриваются как социально недетерминированные (болезнь, несчастный случай, стечение обстоятельств и т.п.) как своего рода игра судьбы, против которой человек бессилен в любом обществе. Тем самым различные факторы действительности оказываются уравниваемыми по значению, что усугубляет восприятие внешней среды как отчужденной от личности реальности.

Поднимая проблему отчуждения человека в современном урбанистическом обществе, его неспособности к установлению естественных межличностных отношений, его тщетных попыток осознать себя как творческую личность, создатели этого романа рассматривают человеческую драму не в социальном, а в психологическом и метафизическом аспектах.

Сложность осмысления противоречий современной действительности приводит в ряде случаев к объяснению присущих героям психологического романа состояний эмоциональной и нравственной атрофии, феномена отчуждения психофизическими особенностями человеческой натуры. ("Одинокая клетка" Масуда М., "Темная комната" Ёсиюки Дз.). Вместе с тем, пытаясь понять причины того, что история человека, живущего в процветающем обществе, часто воспринимается как история его духовной болезни, авторы этого романа не могут пройти мимо фактов подчиненности героя сложной совокупности обстоятельств, препятствующих развитию его творческих потенций. Создавая тип человеческой индивидуальности, характерный для эпохи безвременья, они тем самым волею или неволею рисуют картину общества, превращающего своих членов в нравственных инвалидов.

Исследуя процесс "расчеловечивания" личности, ее оскудения в тенетах эгоизма и пассивного потребительства, автор психологического романа не боится показать заурядность своего героя. Однако подобная дегероизация современного человека в психологическом романе далеко не всегда означает стремление к его безоговорочному осуждению. Напротив, часто она призвана подчеркнуть самоценность любого, даже самого незначительного человеческого существования. Автор сочувствует своему герою, испытывает боль за то, что тот вынужден вести унижающую его человеческое достоинство жизнь. Пусть конфликтная ситуация, перед лицом которой оказывается герой, не имеет всемирно-исторического значения, пусть она касается только его личной жизни, возможность счастья для любого человека уже сама по себе является проблемой общечеловеческого значения. Той самой проблемой, во имя которой сражаются подлинные герои всех времен и народов. Этим объясняется тот факт, что в большинстве романов этой группы легко заметить стремление автора к реабилитации личности ущербного героя, не нашедшего своего места в мире всеобщего отчуждения. Сама слабость, приниженность этого героя служит как бы подтверждением его человечности, вызывает к состраданию окружающих. Таким образом, зачеркивается не бесцветная личность человека-потребителя, а та философия жизни, которую он сознательно или бессознательно исповедует. Этический пафос защиты маленького человека является важной составляющей общей концепции, лежащей в основе психологического романа.

Мелкий по масштабу личности человек, которым в большинстве случаев является персонаж этого романа, не годится для роли положительного героя, воплощающего собой авторский идеал, поэтому его место занимает неперсонифицированная сумма "прогрессивных понятий", пронизывающая всю ткань произведения в целом.

Вклад психологического романа в развитие японской послевоенной литературы определяется тем, что в нем дан художественный анализ тех новых форм традиционных общечеловеческих проблем жизни, с которыми люди столкнулись в высокоразвитом индустриальном обществе. Поставив в центр повествования рядового человека с его будничными нуждами и заботами, создатели этого романа сосредоточили свое внимание не на социально-политической атмосфере, в которой живет их герой, а на бытовой, частной ситуации, в которой он вынужден находиться. Это обращение от истории к быту повлекло за собой усиление в психологическом романе лирического начала в противовес эпическому, господствовавшему в социально-политическом романе. В психологическом

романе даже в тех случаях, когда повествование ведется от 3-го лица, всегда достаточно ясно просматривается близость героя к автору. Порой кажется, что им обоим присущи одни и те же колебания, одна и та же нерешительность в оценке происходящего. Автор предпочитает описывать события, отказываясь от прямого суждения о ситуации и персонажах. Разделяя чувство неудовлетворенности, испытываемое героями, автор в то же время как бы не в состоянии объяснить, в чем заключается трудность их жизни.

Не ставя своей задачей раскрытие определяющих тенденций развития общества, психологический роман тем не менее создает представление об эпохе, высвечивая ее отдельные характерные черты. Жизнь рядового человека, которым является герой психологического романа, постоянно соприкасается с повседневными проявлениями существующего жизненного порядка, а поскольку форма и содержание быта не могут быть полностью выключены из истории, в психологическом романе находит отражение многие противоречия действительности. Сквозь призму сознания рефлектирующего героя улавливаются признаки духовного кризиса, переживаемого обществом. Сама повседневность, окружающая человека, таит в себе нечто угрожающее, разрушающее его способность жить эмоционально интенсивной и социально активной жизнью. Общественный механизм предстает как некая анонимная сила, препятствующая всесторонней реализации человеком своих творческих возможностей. Ощущая разрыв связей между собой и обществом, утрачивая чувство собственной идентичности, герой психологического романа воспринимает мир как "отчужденную" от него реальность.

В четвертой главе - "Условная реальность философского романа" - предметом рассмотрения является философский роман, авторы которого для передачи картины современного мира прибегают к параболическим формам художественного обобщения.

Современный этап развития человеческого общества резко изменил еще недавно незыблемые представления о дальнейших путях цивилизационного процесса. Человечество оказалось перед необходимостью осознать возможность ядерного и экологического коллапса планеты. Страх перед тоталитаризмом, распад некогда целостной системы связей индивида с окружающей природной и социальной средой приняли катастрофический характер.

Перед литературой встал вопрос: как выразить то, что отказывается воспринимать разум? С поисками ответа на этот вопрос, по-видимому, прежде всего и связано возникновение и распростра-

нение философского романа — размышления о судьбах человека и человечества в современном мире. Форма философского романа позволяет с предельной ясностью обнажить драматические аспекты человеческого существования не только в плане реальных социальных проблем современной жизни, но и в экзистенциальном, вневременном плане.

Для того, чтобы обнажить скрытые за обманчивой видимостью повседневности реальные пружины механизма, управляющего общественной жизнью, к притчевой, условной форме повествования в ряде случаев прибегают также и писатели, которые в целом тяготеют в своем творчестве к реалистической манере письма, к отражению действительности в формах жизнеподобия. (Кайко Такэси — "Паника". "Паникку", 1957). Однако наиболее полное развитие философский роман, использующий условные формы отражения реальности, получил в творчестве Абэ Кобо и Оэ Кэндзабуро.

В художественном мире Абэ К. важное место занимает символический образ современного тоталитарного общества и весь комплекс проблем, связанный с дихотомией: личность — тоталитарный общественный механизм (романы "Женщина в песках" — "Суна но онна", 1962; "Сожженная карта" — "Мэцукита тидзу", 1967; "Человек-ящик" — "Хако-отоко", 1973; "Тайное свидание" — "Миккай", 1977).

Мучительными раздумьями о сущности гуманизма в современном мире, болью за человека, страстным желанием наполнить его жизнь высоким этическим смыслом проникнуты произведения Оэ К. ("Футбол 1860 года" — "Ман'эн ганнэн-но футтобору", 1967; "Объяли меня воды до души моей" — "Кодзуй-ва вага тамасии-ни оёби", 1973; "Записки пинчангера" — "Пинтиранна тёсё", 1976).

В философском романе с его условной реальностью нашел выражение протест против разрушительных тенденций, набирающих силу в современном мире. Тяготение к притчевой форме прямо или косвенно связано со стремлением создателей этого романа к осмыслению общих исторических закономерностей развития человеческого общества. Извлекая читателя из привычной обстановки и переселяя его в условный абсурдный мир, авторы философского романа прибегают к шоковой терапии, чтобы заставить человека задуматься над судьбами планеты. Сквозь зыбкие гротескные очертания художественного мира философского романа проступают реальные проблемы действительности: перспектива ядерной и экологической катастрофы, распадение целостных отношений человека с миром, поиски стратегии выживания личности в тоталитарном обществе.

Противопоставление добра и зла, правды и лжи, выходя за рамки конкретной бытовой ситуации, приобретает в этом романе метафизическую всеобъемлемость и трагическое звучание. Этим достигается ощущение масштабности постановки затрагиваемых проблем, идеологической напряженности повествовательной ткани.

Движущим мотивом развития действия в философском романе является состояние конфликта героя с окружающей средой. В модели мира, созданной в нем, отношения личности и общества воспринимаются как антиномия. Личность подавляется всегда, независимо от конкретной необходимости и каких-либо рациональных соображений. Насилие в любой форме, всегда — таков облик общества, в котором живет герой ("Тайное свидание"). Герой — маленький человек, не имеющий возможности одержать победу в борьбе за себя в сфере реальной жизни. Убедившись в господстве зла, герой избирает уход от действительности как способ протеста и самоутверждения ("Сожженная карта"). Феномен исчезновения личности в массовом обществе, приводящий к социальной смерти героя, часто находит в философском романе законченное выражение в его физической смерти ("Человек-ящик").

Образ героя философского романа хотя и не связан напрямую с реальной действительностью, в обобщенной форме отражает существенные черты своего времени. На духовном облике героя несомненно сказывается влияние обстановки царящего в обществе произвола против личности, о чем свидетельствует широкое распространение образа человека, отклонившегося от нормы. Болезненность героя, его "чуждость" служат, с одной стороны, выражением духовной избранности героя, его отказа от принятия "причастия буйвола", а, с другой стороны, показателем определенной болезни духа, психологической деформации, вызванной стремлением господствующих в обществе сил держать человека в состоянии постоянного страха и подавленности.

При общей аллегоричности картины действительности в философском романе его герой также теряет в своей жизненной достоверности. Он, как правило, не имеет четко очерченного индивидуального характера, личной жизни, бытового окружения, часто даже имени. Символические мотивы в его характеристике заслоняют его неповторимую человеческую индивидуальность. Личность героя носит условный, мнимый характер: писатель зашифровывает героя, выводя его как "мужчину", "жеребца" ("Тайное свидание"), как "Короткого", "Красномордого" ("Объяли меня воды до души

моей" или прибегает к лабораторному расщеплению личности героя, создавая двуединый образ Мори-отца и Мори-сына ("Записки пинч-раннера"), братьев Надокоро, а также их прадеда и его младшего брата ("Футбол 1860 года").

К персонажам философского романа неприменимы обычные представления о положительном или отрицательном герое. Действительность, изображаемая в романе, слишком сложна и противоречива, чтобы в ней мог появиться эталонный герой, воплощающий нормативные добродетели или пороки.

Для философского романа с его сложной системой символов и аллегорий характерно переосмысление некоторых традиционных персонажей, в частности героя-рассказчика, который в европейской литературе XVIII-XIX веков был призван придавать повествованию дополнительную достоверность. В рассматриваемом нами философском романе рассказчик лишается роли персонажа, которому известна объективная картина происходящего. Его противоречивые суждения о событиях, свидетельствуя о смятенности его сознания, подчеркивают пугающую сложность окружающей его действительности.

В целом герои философского романа выступают прежде всего как знаки-образы определенных ценностей, идей, воплощающие внутренние раздумья автора. Подобная трактовка образов персонажей вытекает из основных принципов художественного обобщения, характерных для философского романа, в котором реальное подчинено общей аллегорической картине мира. Весь художественный строй этого романа определяется причудливым сочетанием элементов реального и фантастического, рационального и иррационального. В философском романе широко используются такие приемы реалистического повествования, как строгое изложение фактов, подробное описание места действия, обстоятельств происходящего и т.п. Однако при полной нереальности ситуации, лежащей в основе повествования, эти приемы претерпевают удивительную метаморфозу и начинают выполнять совершенно другую, несвойственную им изначально функцию, создавая иллюзию реальности и тем самым усиливая условность изображенного, заостряя внимание на самой проблеме. Описания, детальные, внешне правдоподобные, но фактически носящие мнимый характер, существующие в вымышленном мире, сложное нагромождение подробностей с их лишь видимой конкретностью призваны как бы смешать воедино вымысел, настоящее и фантазию. Известная рыхлость детальности описаний, кажущаяся нелогичной при некоторой скупости, графичности изобразительных

средств философского романа, на самом деле несет четкую функцию раскрытия общей идеи произведения путем создания определенной эмоциональной атмосферы. Развернутое описание казалось бы несущественных подробностей призвано подтвердить подспудную тревогу, отвлечь героя, читателя от чего-то важного, что необходимо понять, додумать.

Аллегорический характер приобретает в философском романе и пространственно-временная перспектива, которая смещается, также оказываясь иллюзорной. Действие часто протекает в условном пространстве — в песчаной яме ("Женщина в песках"), в странной клинике-лабиринте ("Тайное свидание"), в фантастическом атомном убежище ("Вошедшие в ковчег"). Даже в тех случаях, когда сюжет разворачивается в таком вполне конкретном месте, как родная деревня братьев Надокоро на острове Сикоку ("Футбол 1860 года"), сама стилистика разрушает эту конкретность. Эмпирическая действительность постоянно соотносится с ее символическим смыслом. Микромир глухой деревушки воспринимается как модель макромира, своего рода японский Йокнапатоф, "кусочек земли величиной с почтовую марку", на котором сосредоточены все существенные проблемы человеческой жизни.

Временные рамки также утрачивают в философском романе свою четкость, физическое время постоянно переплетается с ирреальным. Действие "перебрасывается" из настоящего в прошлое, из прошлого в будущее, замедляется или ускоряется в зависимости от субъективного ощущения героем хода времени. В романе "Вошедшие в ковчег" описываемые события занимают около суток. Однако рамки этого реального времени фактически раздвигаются до объема всей жизни героя и даже жизни общества, в котором за сутки происходят важные изменения. Таким образом, временная структура романа определяется не хронологической последовательностью событий, а свободным движением мысли автора, подчинена динамике субъективного познания изображаемого явления.

Переводя на образный язык многообразные политические, социальные и нравственные коллизии современного мира, авторы философского романа прибегают также к приему коллажа, создавая общую картину бытия из его разрозненных осколков. При этом отдельные кусочки этой мозаики все время перемещаются, дополняются другими, корректируются третьими. Тот же метод часто используется и для характеристики героев, образы которых постепенно лепятся из различных разрозненных сведений, высказываний дру-

тих персонажей и т.п. Противоречивое освещение происходящего, различные ракурсы, смена интонаций, неоднократное возвращение к одним и тем же деталям создают ощущение непоследовательности, разорванности ассоциативного мышления, характерного для художественного строя аллегорического философского романа. Автор как бы не разбирается в том, что происходит, не берет на себя ответственность окончательного суждения о событиях и людях. Неоднозначность оценок, открытое окончание, аллегорический характер натуралистических сцен и, наоборот, сознательное нарушение жизнеподобия в других случаях — все это предполагает необходимость отыскания определенного ключа к пониманию заложенного в подтексте произведения смысла.

Поиски новой художественной формулы мира в философском романе сопровождаются не только достижениями, но и потерями. В частности, не всегда бывает оправданным преобладание логической схемы над живой действительностью. Можно отметить также известное противоречие между стремлением отдать предпочтение не дискурсивным, нелогическим способам постижения истины и расщепленной запрограммированностью, лежащей в основе поэтики философского романа. Отрыв от действительности и обилие экстраординарных ситуаций создают в ряде случаев ощущение игры, несерьезности, "незамкнутости" происходящего.

В целом же философский роман явился в японской литературе важным этапом художественного постижения мира, открывшего для себя возможность собственной гибели. Нельзя не присоединиться к мнению Ю. Лотмана, что возникновение усложненных художественных структур (подобных японскому послевоенному философскому роману с его условной реальностью) связано с кризисными моментами в истории развития общества, когда цивилизация, основанная на "системе знаков", начинает восприниматься как ложная, и "истина" выводится во "внезнаковую сферу". Появляется ощущение, что аллегория, метафора создает возможность более верного постижения реальности мира, чем его прямое изображение в жизнеподобных формах.

В Заключении подводятся итоги проделанного исследования и обобщаются основные положения диссертации.

Изучение проблемы взаимодействия исторической и художественной реальности в японской послевоенной литературе показывает, что историческая ситуация определила многие особенности

литературного процесса этого периода. Разобравшись в движении послевоенной прозы от больших вопросов национальной истории к исследованию психологии современного обывателя, а затем к экзистенциальным проблемам человеческого бытия трудно, не отдав себе отчета в глубоких переменах, происходивших в жизни японского общества.

Выделенные в диссертации проблемно-стилевые и жанровые группы произведений позволяют лучше понять диалектическую связь между изменениями в социально-исторической ситуации, движением общественной мысли и художественными исканиями на том или ином этапе послевоенного литературного процесса. Наличие такой связи подтверждается также процессом постоянной трансформации и обновления, идущим внутри японского романа.

Исследование показало, что японский антивоенный роман явился прямым откликом на потребность общества в осмыслении уроков истории. Характер участия Японии в войне, ее предшествующее социально-политическое развитие обусловили основные проблемно-стилевые особенности антивоенного романа. На первом этапе идейный пафос этого романа и его поэтику определила задача создания образа негативной реальности недавнего прошлого — обличение японского милитаризма и его агрессивной политики. В дальнейшем, в изменившейся внутрисполитической и международной обстановке центр тяжести в антивоенном романе начал постепенно смещаться с натуралистического изображения ужасов войны и тягот армейской службы в сторону более глубинного раскрытия этического-моральной и философской проблематики, связанной с темой войны.

Социально-политический роман отразил масштабы и значимость происходящих в стране демократических преобразований. Реальная действительность позволила его создателям запечатлеть роль политической активности масс в выработке системы послевоенных ценностей. Поставленная в этом романе цель аналитического раскрытия процесса становления нового японского общества, постижения смысла текущего исторического момента обусловила его острую злободневность и жесткую ориентированность по актуальным проблемам общественного устройства.

В условиях существенных изменений в духовном климате страны, вызванных поражением демократических сил в борьбе против "договора безопасности" 1960 г. и сдвигами в социально-экономической структуре японского общества, вступившего в период

"высоких темпов экономического роста", широкое распространение в литературе получил психологический роман, отразивший характерные противоречия эпохи "отчужденной реальности". Психологический роман дал художественный анализ тех новых форм традиционных общечеловеческих проблем жизни, с которыми человек столкнулся в высокоразвитом урбанистическом обществе "массового потребления".

Проблемы человечества, оказавшегося перед возможностью ядерного и экологического коллапса планеты, нашли отражение в философском романе-размышлении. Условные формы художественного обобщения, характерные для этого романа, в котором реальное подчинено общей аллегорической картине мира, позволили его создателям сосредоточить свое внимание на кардинальных политических, социальных и нравственных коллизиях современности.

Разумеется, рассмотренные в диссертации проблемно-стилевые и жанровые группы произведений не должны восприниматься как изолированные литературные явления. Любая классификация требует определения общих признаков и абстрагирования от частных. В данной работе автору было необходимо отвлекаться от массы "полутонов", неповторимости индивидуального творчества отдельных писателей и прихотливого переплетения взаимных влияний и отталкиваний в рамках литературного процесса с тем, чтобы полностью раскрыть взаимодействие исторической и художественной реальности в послевоенной литературе Японии как одной из магистральных линий, во многом определивших ее характер и пути развития.

Основные положения диссертации изложены в следующих опубликованных работах:

1. Человек и общество в послевоенной литературе Японии. М., Наука, 1985, 10, 78 п.л.
2. Культура послевоенной Японии (В соавторстве с Л.Д.Гришелевой). М., Наука, 1985, 15, 5 п.л.
3. Основные этапы развития японской послевоенной литературы. Ж. "Проблемы Дальнего Востока", 1980, № 2, 1 п.л.
4. Основные концепции послевоенного литературного процесса в японской критике. Ежегодник "Япония 1985". М., Наука, 1986, 1 п.л.
5. Японский послевоенный роман. В кн.: "Современные литературы

стран Азии и Африки. Типологические признаки национальных и межнациональных литературных систем", М., Наука, 1988, 1 п.л.

6. К истории Общества новой японской литературы. М., 1979, 7, 0 п.л.
7. История Японии. 1945-1975. М., 1978. Главы по культуре Японии (в соавторстве с Л.Д.Гришелевой). 2, 5 п.л.
8. Одиночество человека в послевоенном обществе Японии. Японо-советский симпозиум. 1979, г. Киото, 0, 5 п.л. (Также на японском языке: Нихон-но сэнго сякай ни-окэру нингэн-но кодоку").
9. К проблеме типологии японского послевоенного романа. Сб. Япония: идеология, культура, литература. М., 1989. 0, 5 п.л.
10. Evolution of the protagonist's image in postwar Japanese literature. Proceedings of the 6th European symposium "Japan Today". Berlin, 1985. 0, 25

Л. Черозаре